

Встрѣтить жителя земнаго,
 Знаменитаго пѣвца.
 И святое Провидѣнье
 Слово мира изречеть;
 И небесное прощенье,
 Какъ земли благословенье,
 На главу его сойdetъ...
 Тогда, какъ духъ безплотный, величавый,
 Онъ будетъ жить безсумрачною славой,
 Увидитъ яркій, свѣтлый день;
 И пробѣжитъ неугасимымъ окомъ
 Мильонъ міровъ, въ покоѣ ихъ глубокомъ,
 Его торжественная тѣнь;
 И окружить ее, надъ облаками,
 Тѣней, давно прославленныхъ вѣками,
 Необозримый легіонъ—
 Петрарка, Тассъ, Шенье—добыча казни,
 И руку ей, съ улыбкою пріязни,
 Подаетъ задумчивый Байронъ...
 И, между тѣмъ, когда въ Россіи изумленной
 Оплакали тебя и старый, и молодой,
 И совершили долгъ послѣдній и священный,
 Предавъ тебя землѣ холодной и нѣмой;
 И, блѣдная, въ слезахъ, въ печали безотрадной,
 Поэзія груститъ надъ урною твоей,—
 Невѣдомый пѣвецъ, но смѣлый, славы жадный,
 О Пушкинъ, преклонилъ колѣно передъ ней.
 Душистые вѣнки великіе поэты
 Готовятъ для нея, второй Анакреонъ!
 Но вѣрю я: и мой, въ волнахъ суровой Леты,
 Съ рожденіемъ его, не будетъ поглощенъ,—
 На пенелъ золотомъ угаснувшей кометы
 Несмѣлою рукой онъ съ чувствомъ положенъ...»

VI.

Утѣшеніе.

Надъ лирою твоей, разбитою, но славной,
 Зажглася и горитъ прекрасная звѣзда;
 Она облечена щедротою державной
 Великодушнаго Царя.

